

АЙЗЕК АЗИМОВ

Цикл «Галактическая Империя»

- Звезды как пыль
- Космические течения
 - Камешек в небе

Цикл «Академия»

ISAAC ASIMOV

**THE PEBBLE
IN THE SKY**

АЙЗЕК АЗИМОВ

**КАМЕШЕК
В НЕБЕ**

**МОСКВА
2022**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
А35

Isaac Asimov
THE PEBBLE IN THE SKY

Copyright © 1950, renewed 1978
by the Estate of Isaac Asimov

Иллюстрация на переплете
художника *Н. Плутахина*

Азимов, Айзек.
А35 Камешек в небе / Айзек Азимов ; [пер. с англ.
И. Ткача, Г. Л. Олди]. — Москва : Эксмо, 2022. —
288 с.

ISBN 978-5-04-102946-3

Из 1949 года Джозеф Шварц попадает в мир далёкого будущего — периода расцвета Галактической Империи.

В результате древних термоядерных войн поверхность Земли стала радиоактивной и непригодной для жизни. В то же время люди расселились по всей Галактике и забыли о своей колыбели. Земля всего лишь камешек в небе. Ныне всё человечество живёт под управлением планеты Трантор, контролирующей двести миллионов звезд. Но на Земле ещё живы националистические настроения, некоторые земляне хотят вернуть себе власть предков. Одна из реваншистских группировок готовит оружие, способное опустошить всю Галактику. Шварц по велению судьбы оказывается в самом центре заговора...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© И. Ткач, Г. Л. Олди, перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-102946-3

ГЛАВА 1

МЕЖДУ ДВУМЯ ШАГАМИ

За две минуты до своего внезапного исчезновения Джозеф Шварц прогуливался по приятным ему улицам пригородного Чикаго, цитируя про себя Браунинга.

В некотором смысле это было странно, поскольку Шварц едва ли производил впечатление человека, увлекающегося поэзией. Он выглядел именно тем, кем был: портной на пенсии, которому серьезно не хватало того, что сегодняшние умники называют «общим образованием». Благодаря своему стремлению к знаниям он много читал. И хотя его чтение носило бессистемный характер, Шварц знал много «отовсюду понемножку»: память у него была великолепная.

Например, Браунинга он в молодости читал дважды и, конечно же, помнил прекрасно. Большая часть была ему непонятна, но эти три строчки стали особенно дороги в последние годы. И он вновь повторил их про себя в этот яркий солнечный день 1949 года:

Со мною к радости иди!
Все лучшее ждет впереди,
Жизни конец, если ты упустил начало...

Теперь Шварц полностью ощущал их смысл. После юношеской борьбы за жизнь в Европе и позднее, в Соединенных Штатах, безмятежная обеспеченная старость была особенно приятной. У него были хорошая жена, две удачно вышедшие замуж дочери и внук — для утехи в эти последние лучшие годы. О чем еще можно было беспокоиться?

Правда, существовали еще атомные бомбы и все эти разговоры о третьей мировой войне, но Шварц верил в лучшие черты людей и в то, что они не допустят еще одной войны и того, чтобы Земля когда-либо увидела ад разъяренного атома. Поэтому он снисходительно улыбался детям, мимо которых проходил, и мысленно желал им быстрого и не слишком трудного пути через юность к тому лучшему, что впереди.

Он поднял ногу, чтобы переступить через куклу, лежащую посреди тротуара. Спокойно опустить эту ногу ему было не дано...

В другой части Чикаго находился институт ядерной физики, и работавшие в нем люди также имели свои теории относительно моральных качеств человека, но понимали и то, что инструмент для измерения этих качеств до сих пор не создан. Размышления на эту тему зачастую ограничивались упованием на некие высшие силы, которые помогут предотвратить

попытки людей превратить изобретения человечества в смертоносное оружие.

Удивительно, что человек, проявляя необузданное любопытство в исследовании атома, способного погубить в считанные секунды половину человечества, обладает столь же удивительной способностью рисковать собственной жизнью ради спасения другого человека.

Как-то доктор Смит, проходя мимо полуоткрытой двери одной из лабораторий, вдруг заметил в ней странное голубое свечение. Химик, бодрый молодой человек, насвистывая, наклонял мензурку, почти до краев наполненную жидкостью, в которой медленно оседал, постепенно растворяясь, белый порошок. Собственно, почти ничего не происходило, но Смит инстинктивно почувствовал тревогу.

Вбежав в комнату, он схватил линейку и сбросил ею на пол стоявший на печи тигель. Послышалось шипение расплавленного металла. Смит почувствовал, как на лице у него выступили капли пота.

Химик ошеломленно уставился на бетонный пол, на котором уже застыли брызги серебристого металла.

— Что случилось? — с трудом выговорил он.

Смит пожал плечами. Он сам еще ничего не понимал.

— Не знаю. Скажите... Чем вы занимались?

— Ничем, — пробормотал химик. — Это всего лишь необработанный уран. Я производил

электролиз меди... Понятия не имею, что могло случиться.

— И все же что-то случилось, молодой человек, я видел свечение вокруг этого тигля. А это значит, возникла жесткая радиация. Так, говорите, уран?

— Да, но необработанный уран, это ведь без-опасно. Я имею в виду, что чистота — один из наиболее важных критериев расщепления, не правда ли? Вы думаете, произошло расщепле-ние? Это же не плутоний, и его не облучали.

— К тому же, — задумчиво сказал Смит, — мас-са была ниже критической. Или по крайней мере ниже той критической массы, которую мы зна-ем. Мы не столь хорошо знаем атом, чтобы быть в нем уверенными. Когда металл остынет, я бы советовал вам собрать его и тщательно изучить.

Он задумчиво оглянулся вокруг, затем подо-шел к противоположной стене и остановился у точки на уровне плеча.

— Что это? — обратился он к химику. — Это всегда здесь было?

— Что именно? — Молодой человек быстро подошел и взглянул на указанную Смитом точ-ку. Тонкое отверстие, которое могло быть про-делано гвоздем, было сквозным.

Химик покачал головой.

— Раньше я этого не видел, правда, я особо и не приглядывался.

Смит молчал. Он отошел назад и приблизил-ся к термостату — прямоугольной коробочке с тонкими металлическими стенками.

— Ну а это что такое?! — Смит мягко коснулся пальцем стенки термостата. В металле тоже было маленькое аккуратное отверстие.

Глаза химика расширились.

— Раньше этого точно не было.

— Хм. А с вашей стороны есть отверстие?

— Черт побери! Да!

— Хорошо. А теперь взгляните в отверстие.

Он приложил палец к дырке в стене.

— Что вы видите?

— Ваш палец. Вы отметили им отверстие?

Смит говорил спокойно, но видно было, что это давалось ему с трудом.

— Посмотрите в противоположном направлении... Что вы видите теперь?

— Ничего.

— Но это место, где стоял тигель с ураном?

Вы смотрите прямо на него, не так ли?

— Я думаю, да, — неуверенно сказал химик.

Быстро взглянув на именную табличку на все еще открытой двери, Смит тихо сказал:

— Все это должно оставаться в строжайшем секрете, мистер Дженингс. Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Тогда выйдем отсюда. Лабораторию необходимо проверить на радиацию, а нам придется обратиться к врачу.

— Вы думаете, возможно облучение? — Химик побледнел.

— Увидим.

Однако серьезных следов облучения ни у одного из них не нашли. Кровяные тельца были в норме, ничего не показало и исследование корней волос.

Никто в институте так и не смог объяснить, почему тигель с ураном при массе гораздо ниже критической, не подвергавшийся бомбардировке нейронами, неожиданно стал источником жесткой радиации.

В составленном отчете доктор Смит не сообщил всей правды. Он не упомянул об отверстиях в лаборатории и о том, что ближайшее к тиглю отверстие было едва заметно, следующее, на другой стороне термостата, было чуть больше, отверстие же в стене, удаленное на расстояние в три раза большее, имело диаметр крупного гвоздя.

Луч, движущийся по прямой линии, может пройти несколько миль, прежде чем кривизна Земли сделает невозможным его дальнейшее движение, а значит, и разрушение, и достигнет к тому времени десяти футов в диаметре, после чего направится в космос, расширяясь и слабея.

Никогда и ни с кем он не делился этой мыслью.

Никому не рассказывал он и о том, как на следующий день просматривал утренние газеты, поставив перед собой весьма определенную цель.

В гигантской метрополии каждый день исчезает столько людей, но никто еще не приходил

в полицию с рассказом об исчезновении человека, причем прямо на виду у всех.

И доктор Смит постарался об этом больше не думать...

Для Джозефа Шварца это произошло прежде, чем он успел шагнуть. Подняв правую ногу, чтобы переступить через куклу, он на мгновение почувствовал головокружение — как будто на долю секунды вихрь поднял и перевернул его. Когда он наконец опустил ногу, дыхание у него перехватило, он ощутил неожиданную слабость в коленях и стал медленно опускаться на траву.

Долгое время он не решался открыть глаза, но наконец заставил себя сделать это.

Это была правда! Он сидел на траве, хотя ясно помнил, что шел по асфальту.

Дома исчезли! Белые дома, каждый со своим садом, стоявшие здесь один за другим, все исчезли!

И сидел он на газоне, трава была буйной, неподстриженной, вокруг стояли деревья, множество деревьев и еще больше на горизонте.

Когда шок прошел, он заметил, что листья на деревьях желтые и опадают, словно наступила осень.

Осень! Когда он поднял ногу, стоял июльский день и все вокруг было зелено.

Подумав об этом, он автоматически посмотрел на свои ноги и вскрикнул от испуга... Маленькая кукла, через которую он переступил, — маленький фрагмент реальности... Она была здесь!

Дрожащими руками он перевернул куклу и увидел, что перед ним — лишь ее часть. Кукла была не сломана, а скорее разрезана. А как ровно был срезан носок ее туфли! Ни один нож не дал бы такого ровного среза!

Единственным утешением в этом сумасшедшем мире остался его собственный голос, и Шварц заговорил сам с собою.

— Во-первых, я в своем уме. Я ощущаю себя так же, как всегда... Конечно, возможно, что если бы я сошел с ума, то не заметил бы этого...

Он почувствовал панику.

— Что же со мной? Должно быть какое-то другое объяснение. Может быть, сон? Как определить, сплю я или нет?

Он ущипнул себя и почувствовал боль, но тут же покачал головой.

— То, что я чувствую боль, могло мне и присниться. Это не доказательство.

Он с отчаянием оглянулся вокруг. Может ли сон быть столь отчетливым, столь реальным? Где-то он читал, что сон длится не более пяти секунд, а кажущаяся его продолжительность — всего лишь иллюзия.

Слабое утешение. Он взглянул на часы. Секундная стрелка без устали двигалась по кругу. Если это сон, то пять секунд тянутся безумно долго.

Он оторвал взгляд от часов и вытер выступивший на лбу холодный пот.

— Может быть, амнезия?

Никто не ответил на этот вопрос. Шварц закрыл лицо руками. Что, если он поднял ногу, и в это время его сознание соскользнуло куда-то... Что, если три месяца спустя, осенью, или год и три месяца спустя, или десять лет и три месяца спустя, он опустил ногу здесь, и в это время его сознание вернулось... Но тогда где он был и что делал все это время?

— Нет! — У него вырвался громкий крик. — Этого не может быть! — Шварц посмотрел на свою рубашку. Ведь именно ее он надел сегодня утром. А маленькая кукла, откуда взялась она?

Он почувствовал, что теряет контроль над собой, и решил, что это должен быть сон, или он действительно сошел с ума.

Неожиданно Шварц заметил, что изменилось и время дня. Приближался вечер, по крайней мере на это указывали удлинившиеся тени. Он вдруг остро почувствовал свое одиночество. Шварц встал. Конечно же, нужно найти людей, любых людей. А для этого лучше всего выйти на дорогу. И он отправился в ту сторону, где деревья росли более редко.

В воздухе уже ощущалась вечерняя прохлада, и начинало темнеть, когда он вышел к прямой и безликой полосе бетона и направился вдоль нее, с радостью ощущая под ногами твердое покрытие.

Однако дорога была пуста, и он вновь ощутил страх. Он надеялся встретить машину. Что может быть легче, чем остановить ее и сказать:

«Вы едете не в Чикаго?» — И он произнес это вслух.

А что, если он далеко от Чикаго? Что же, тогда любой город, любое место, где есть телефон. У него в кармане всего пять долларов и двадцать семь центов, но ведь существует полиция...

Он продолжал идти посередине дороги, время от времени оглядываясь назад, не обращая внимания на то, что солнце скрылось за горизонтом и на небе появились звезды.

Стало уже совсем темно, а ни машин, ни домов не было.

Джозеф испугался повторного головокружения, когда увидел, что горизонт слева светится. Холодное голубое сияние было отчетливо видно сквозь просветы между деревьями. И это было не зарево лесного пожара — а легкая мерцающая голубизна. И тут он заметил, что так же светится и бетон у него под ногами. Шварц наклонился и дотронулся до него рукой — обыкновенный бетон. И все же глаза улавливали едва заметное сияние.

Шварц с трудом сохранял самообладание. Он был голоден и действительно напуган, когда вдруг справа увидел свет.

Без сомнения, это был дом! Он закричал, но голос его одиноко замер в пустоте. Да, это был дом, проблеск реальности, излучающий свет сквозь ужасную пустоту. Он свернул с дороги и через заросли, между деревьями, через ручей направился на свет.

Странная вещь! Даже ручей слегка фосфоресцировал. Однако Шварц отметил это лишь краем сознания.

И вот он уже возле дома, руками касается белых его стен, про себя отмечая, что он сделан не из кирпича, камня или дерева, а как будто из фосфора. Но Шварц не придал этому особого значения — он искал дверь. Когда он наткнулся на нее и увидел, что звонка нет, то забарабанил по ней и закричал, как демон. Услышав звуки шагов внутри, он благословил очарование человеческого голоса.

— Откройте! — закричал он вновь.

Послышался слабый звук, и дверь открылась.

В глазах вышедшей женщины был замечен испуг. Она была высока и худощава, а чуть поодаль стоял такой же худощавый мужчина в рабочей одежде... Нет, не в рабочей одежде. Собственно говоря, ничего подобного Шварц никогда прежде не видел, но что-то неопределенное говорило, что эта одежда предназначена для работы.

Однако Шварцу было не до размышлений. Для него эти люди и их одежда были прекрасны, прекрасны так, как только может быть прекрасен вид друга для одинокого человека.

Женщина заговорила. Голос ее звучал мягко, но властно. Шварц схватился за дверь, чтобы устоять на ногах.

Он никогда не слышал языка, на котором говорила эта женщина...